

К. В. ЧИСТОВ

НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ В РУССКИХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Настоящая статья преследует единственную цель — помочь историкам, работающим над историей Карелии, расширить круг привлекаемых источников за счет народно-поэтического материала, к которому они обращаются, к сожалению, редко.

Нет необходимости пространно доказывать значение народной поэзии как исторического источника. Если мы действительно хотим изучать историю народа, надо обязательно знать, как народ сам оценивал те или иные исторические события. Позволю себе напомнить замечательные слова А. М. Горького, очень точно понимавшего значение этой проблемы: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества... От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монарха с феодалами».¹

Значение фольклора как исторического источника многообразно, оно не сводимо к простому отражению отдельных событий, имен, исторических реалий. Разумеется, могут встретиться и встречаются отдельные детали, утраченные письменными документами. Однако народная поэзия — не склад деталей, которые могут понадобиться историку или этнографу. В ней важна народная оценка событий, которая и удерживается прежде всего в памяти народа. В ней ценны прежде всего идеи и порожденные ими поэтические образы, отражающие мировоззрение народа определенной эпохи.

В народном творчестве нет «исторических» и «не исторических» жанров, а есть жанры, которые легче датируются и прямее соотносятся с исторической действительностью (например, исторические песни, предания, легенды, былины) и жанры, которые труднее изучать в историческом плане (например, сказки, лирические песни и т. д.). Действительно, например, в волшебной сказке обычно не упоминаются ни известные исторические события, ни известные исторические лица, там действуют

¹ А. М. Горький. Собр. соч., т. 27, ГИХЛ, 1953, стр. 311—312.

Иваны-царевичи и Кашей Бессмертные, события развиваются в тридевятом царстве, тридесятом государстве. Время определяется как давно прошедшее (ср. сказочное «жил-был»). Однако идеи и идеалы, выраженные в сказке, родились на определенной исторической почве и своими специфическими средствами отражают историческую действительность.

Изучение так называемых «неисторических» жанров в историческом плане только началось и потребует немало усилий для того, чтобы результаты стали вполне надежными. Значит ли это, однако, что и историки и фольклористы должны откладывать свою встречу на неопределенный срок? Думается, что правильнее было бы использовать каждую возможность хотя бы мимолетного свидания. Попытку использовать одну из таких возможностей и представляет собой эта статья.

* * *

Заметное место в истории Карелии XVII века занимает так называемое «Соловецкое сидение 1668—1676 гг.» — несомненно одно из крупнейших проявлений социальной борьбы на севере России в этом столетии. Однако история «Соловецкого сидения» изучена слабо. В дореволюционной историографии, если не считать документальных сборников, например, сборника под ред. Н. Субботина¹, ей посвящена лишь одна специальная работа — книга И. Я. Сырцова.² Книга И. Я. Сырцова написана в подчеркнуто тенденциозном тоне и цель предпринятого им труда сформулирована очень точно. «Предлагаемое сочинение, — писал И. Я. Сырцов во введении — написано по достоверным, современным событию памятникам, немалая часть коих сохранилась и была исследована автором лично на месте происшествия — в Соловецком монастыре. Излагая по этим памятникам историю соловецкого возмущения от начала ее до конца, автор руководился искренним желанием: если не поколебать веру старообрядцев в мнимых соловецких мучеников, основанную и опирающуюся на легендарной «Истории об отцах и страдальцах Соловецких», то по крайней мере — предостеречь православных от подобного почитания бунтовщиков» (стр. 8).

Само собой разумеется, что в книге И. Я. Сырцова и не ставится вопрос об отношении народа к «соловецкому возмущению». В расколе он усматривает проявление невежества, либо интриги лиц, по каким-либо причинам предубежденных против Никона. «Соловецкое возмущение» он называет движением чисто религиозным. Таким образом, в книге И. Я. Сырцова в полной мере выразилось официально-церковное отношение к интересующему нас историческому факту.

В недавнее время к пересмотру истории Соловецкого восстания обратился советский историк Н. А. Барсуков, опубликовавший в 1954 году свое исследование.³ Н. А. Барсуковым собран значительный материал, способствующий верному пониманию социальной природы и хода вос-

¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые братством св. Петра митрополита под редакцией Н. Субботина, ч. III. Акты, относящиеся к истории соловецкого мятежа, М., 1878.

² И. Я. Сырцов. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII веке. Магистерская диссертация. Второе исправленное издание, Кострома, 1889.

³ Н. А. Барсуков. Соловецкое восстание (1668—1676 гг.). Петрозаводск, 1954, стр. 66.

стания. Однако выводы, к которым пришел исследователь, представляются нам в известной мере противоречивыми. Н. А. Барсуков не избежал некоторой идеализации и восстания и раскола, теснейшим образом связанных между собой. Восстание трактуется Н. А. Барсуковым как очаг крестьянской войны на Севере, даже как «последний этап этой войны» (стр. 64), в основе которого «как и в основе крестьянской войны под руководством Степана Разина, лежал стихийный протест самых различных демократических элементов крепостнической России против их бесправного положения, против чудовищного гнета и жестокой эксплуатации» (стр. 64). Вместе с тем материалы восстания не дают основания для столь далеко идущих выводов. Н. А. Барсуков не привел в своей книге ни одного факта, свидетельствующего о том, что стремление к социальной справедливости, к борьбе с эксплуатацией играло существенную роль в ходе восстания. Выводы Н. А. Барсукова основываются, главным образом, на анализе социальной принадлежности участников восстания и отвлечены от вопросов руководства и причин движения. Указывая на факт прихода в монастырь группы донских казаков после разгрома разинского движения, исследователь высказывает предположение, что они и повлияли на ход восстания и даже стали его руководителями. Однако это предположение не может быть подкреплено документальными данными. Даже внутримонастырское несогласие по вопросу о молитве за царя, на которое указывает Н. А. Барсуков, нельзя еще оценивать как проявление классовых противоречий среди восставших. Известно, что молиться за царя отказывались многие раскольники, различно мотивировавшие свой отказ. Разумеется, важнее то, что решение «черного собора» монастыря было принято под прямым давлением стрелецких сотников Исачки Воронина и Самки Васильева.

Удивительно, что Н. А. Барсуков при этом совершенно обходит книгу А. А. Савича «Соловецкая вотчина XV—XVII вв.», последняя глава которой дает наиболее обстоятельное и аргументированное изложение фактов, связанных с «сидением», и специальный анализ достоверности сведений об участии в нем разинцев.¹ Более того, Н. А. Барсуков совершенно не учитывает и блестящей критики концепции И. Шапова, развернутой в свое время Г. В. Плехановым.² Как известно, Шапов ставил знак равенства между расколом и движением, возглавленным С. Т. Разиным. Г. В. Плеханов писал: «...едва ли мы ошибаемся, предположив, что склонность народной массы к расколу была обратно пропорциональна ее вере в возможность собственными силами победить царящее зло, и что, таким образом, раскол с особенным успехом распространялся после выпадавших на долю народа крупных поражений».³

Не углубляясь далее в анализ книги Н. А. Барсукова, которая, следует полагать, подвергнется подробному анализу специалистов-историков, выскажем лишь некоторые соображения о характере Соловецкого восстания. Весь ход движения, особенно затяжной характер его развития (с 1668 до весны 1674 года не было ни одного значительного вооруженного столкновения), свидетельствует о его внутренней сложности

¹ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 280. Не упоминается Н. А. Барсуковым и статья П. С. Казанского (Чтения в обществе истории и древностей, 1867, кн. IV, стр. 1—10).

² См. Г. В. Плеханов. «Исторические монографии и исследования», т. XII, стр. 347—348, 367 и др.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, М., 1918, стр. 31—58.

и противоречивости. Собственно восстанием «Соловецкое сидение» можно назвать только в последние два года (1674—1676 гг.). До весны 1674 года царские отряды блокировали Соловецкий остров, и вместо приказов об осаде получали, в основном, письменные увещания для передачи в монастырь. Внутримонастырские порядки за эти годы изменились сравнительно мало, то есть продолжали оставаться по своей природе и по своему характеру феодальными порядками, вполне устраивавшими монастырскую верхушку. Поэтому, на наш взгляд, правильное было бы говорить не об эпизоде крестьянской войны, облеченном в религиозную оболочку, а о раскольничьем, старообрядческом движении, направленном против никоновской централизации русской церкви. Разумеется, при этом нельзя забывать и того, что для первой половины и середины XVII в. особенно характерно было усиление давления феодального государства на так называемых «черносошных» крестьян — рост податей, превращение крестьян в пашенных солдат, приписка к заводам, передача земель монастырям и т. д. Поэтому затянувшийся конфликт монастырской верхушки — крупнейшего феодала на русском Севере с патриаршим престолом и царским правительством привлекал внимание демократических слоев поморского населения, готовых под давлением обстоятельств примкнуть к любой форме политического и религиозного антиправительственного протеста.

С другой стороны, для истории Карелии середины и второй половины XVII века не менее характерно обострение борьбы с монастырями, активно захватывавшими так называемые «черные» погосты и волости (ср. длительную борьбу крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем, Толвуйского погоста с Вяжицким монастырем, Кижского с Климецким и т. д.).

Соловецкий монастырь был в XVII веке крупнейшим феодальным вотчинником на русском Севере, осуществлявшим не только религиозную, но и политическую и экономическую власть на всем Беломорье. Изучение материалов по истории Соловецкого монастыря показывает, что старообрядческая проповедь в устах соловецких монахов была, естественно, не выражением социального протеста в религиозной форме, а средством, с одной стороны, сопротивления правительственной политике централизации церковной власти и подчинению его государству и, с другой стороны, своеобразным средством отвлечения крестьян Поморья от феодальных противоречий, значительно обострившихся в XVII веке и в пределах владений Соловецкого монастыря. В ходе борьбы с реформами Никона возникло иллюзорное единство соборных старцев и трудников, монахов и крестьян-поморов.

Н. А. Барсуков несомненно прав, утверждая, что многие представители монастырской верхушки — первоначальные руководители «сидения» — пошли впоследствии на компромисс с правительством и преемником Никона Иосафом; он прав, указывая, что в последние два года в монастыре большую роль стали играть демократические элементы. Однако нельзя отвлекаться и от того факта, что во главе восстания до последнего дня фактически стояли церковники (архимандрит Никанор, келарь Нафанаил, Протасий и др.), проявлявшие особенный фанатизм в непринятии реформ Никона.

Одним словом, несомненно, что вопрос далеко не столь ясен, как это кажется Н. А. Барсукову. Поэтому изучение социальной природы и хода Соловецкого восстания должно быть продолжено.

Думается, что при этом не следует оставлять в стороне исторические песни об осаде Соловецкого монастыря, известные по записям в различных областях России и опубликованные в ряде фольклорных сборников. В народных песнях не могло не сказаться отношение народа к восстанию; в памяти народа сохранились интересные для историков идеи и исторические детали. Насколько нам известно, историки при изучении материалов восстания совершенно не привлекали песни этого цикла. Прошел мимо них и Н. А. Барсуков.

Следует отметить, что и в фольклористической литературе песни об осаде Соловецкого монастыря изучены слабо. Их касался лишь В. Ф. Миллер в беглом комментарии к одному из вариантов, записанному в Сибири¹ и, отчасти, Е. Куле в обзорной статье «Русские исторические песни XVII в.»² Между тем накопленного фактического материала достаточно для того, чтобы высказать хотя бы первые суждения о смысле, характере и ценности этого цикла. В настоящее время известно 16 записей,³ сделанных в различных губерниях России, причем 9 из них, опубликованные прежде в различных сборниках и периодических изданиях, перепечатаны в известном своде русских исторических песен, составленном В. Ф. Миллером.⁴

Первый вопрос, который встает при изучении этих записей, это вопрос о составе цикла или иными словами: действительно ли существует несколько песен об осаде Соловецкого монастыря или имеющиеся записи представляют собой варианты одной песни. Очевидно в 80—90-е гг. XVII века возникла одна песня, в которой изображались события, связанные с осадой, однако в дальнейшем бытовании варианты этой песни настолько разошлись, что в них стали различно изображаться и ход событий и их развязка, стали даже называться различные действующие лица, то есть в вариантах по существу сложились разные сюжеты, выражающие разные идеи и разную оценку основного события. С другой стороны, между столь разошедшимися вариантами сохранилась тематическая и поэтическая связь (общая схема сюжета — выбор воеводы

¹ В. Ф. Миллер. Исторические песни из Сибири. «Известия Отд. Русск. Яз. и Слов. Ак. Наук», т. IV, кн. I, СПб, 1904, стр. 44—49; см. также Ф. И. Буслаев. Русский народный эпос в кн. «Ист. очерки русск. нар. слов. и искусства», СПб, 1861, стр. 431.

² Е. Куле. Русские исторические песни XVII в. «Филологические записки», 1897, вып. IV, стр. 28—32.

³ А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901, стр. 197—201, 470—472; «Живая старина», 1907, вып. III, отд. II, № 40, 90; В. Ф. Миллер. Исторические песни из Сибири. Изв. ОРЯСАН, IX, кн. I, стр. 44—49; П. Бессонов. Калики переходящие, ч. I, вып. 3, № 157, 158; П. Якушкин. Собр. соч., 1884, стр. 535—537; Н. С. Тихонравов «Летописи русской литературы», т. III, отд. III, стр. 90—91; А. М. Листопадов. Донские исторические песни, стр. 63—64. «Разгон Соловецкого монастыря Петром»; Былины М. С. Крюковой, т. II, № 114 (близко к варианту — Марков, № 40). См. также «Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и А. Богословским в сб. «Труды музыкально-этнографической комиссии», т. I, М., 1906 (текст — стр. 108, № 30, напев стр. 153, № 30). Кроме того, 3 варианта из рукописных сборников Синодального архива (№ 839, 840, 601) указаны В. Н. Перетцом (см. В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы», т. I. Из истории русской песни, СПб, 1900, ч. I, стр. 404, 409, ч. II, стр. 130, 132). Недавно В. И. Малышевым выявлен еще один рукописный вариант, но выявленный В. И. Малышевым.

⁴ В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. СПб, 1915, стр. 659—679, № 255—263.

и затем осада монастыря, общность зачина, некоторых эпизодов, строк, словосочетаний). Можно наметить 5 основных типов вариантов. Различие их вкратце сводится к следующему:

1-й тип. Царь выбирает воеводу для осады Соловецкого монастыря. Выбор падает на боярина Салтыкова, однако Салтыков не решается взять на себя разрушение монастыря, который он высоко почитает. Царь угрожает ему ужасной казнью. Салтыков соглашается, но по дороге скazujeается больным. Вместо него «накупается» воевода Мещеринов. Начинается осада. Мещеринову удается взять монастырь только благодаря предательству. Следует расправа. Ночью царю являются два старца, которые упрекают его в разрушении старой веры. Царь дает запоздалое приказание снять осаду. Воевода Мещеринов, возвращаясь после осады, разболелся и умер (Марков, стр. 197—201, Миллер, № 255).

Разновидность: Салтыков не назван, фамилия Мещеринова сохранена. Мещеринов пытается взять монастырь обманом. Предательство «злоумышленного старца». Расправа. Запоздалое распоряжение царя снять осаду. («Живая старина», 1907, вып. III, отд. II, стр. 147—148).

2-й тип. Начало такое же, чудеса (отворяются царские врата в одном из московских соборов или др.) происходят вовремя, монастырь не разоряется.

3-й тип. Начало такое же, но Салтыкову приходится руководить войсками. Монахи уверены, что войско идет молиться. Они палят вверх. Монастырь не разоряется. (См. запись Языкова.)

4-й тип. Начало такое же. Салтыков устрaшен и начинает осаду. Разорение монастыря («Летописи русской литературы», т. III, отд. III, стр. 90—91, Миллер, № 263).

5-й тип. Для разорения монастыря Петром (I) избирается Б. П. Шереметьев. Навстречу ему из монастыря выходит игумен, читающий «божью книгу» и плачущий. Вместо Шереметьева посылается «Петр князь Салтыков». Разорил ли он монастырь, из песни остается неизвестным.

Столь сильное расхождение вариантов уже само по себе требует истолкования. По-видимому, его следует объяснить тем, что бытование песни не было достаточно активным — варианты разошлись (т. е. возникли и новые толкования сюжета и новые детали) и в дальнейшем, в процессе вхождения в общерусский репертуар не слились в один, обобщенный и, вместе с тем, наиболее популярный тип. Собственно об этом же говорит и сравнительно небольшое количество известных вариантов, тем более что из 15 перечисленных выше текстов 9 извлечено из рукописных сборников и только 5 записано от исполнителей.

Обращает на себя внимание и характерное распределение текстов по губерниям. Только из Архангельской губернии, наиболее близкой к району, в котором происходили события, изображенные в песне, известно 5 вариантов,¹ из всех же остальных губерний (Пермской, Симбирской, Московской, Могилевской, Орловской и по Донской области) известно лишь по одному тексту, причем большинство из них заимствовано из рукописей. Все это позволяет утверждать, что песня была редкой, бытовавшей более в рукописной, чем в устной традиции.

¹ Судя по наилучшей сохранности деталей в архангельских вариантах, следует предполагать, что песня именно здесь и возникла.

Для подавляющего большинства вариантов известно, что они происходят из раскольниковей, старообрядческой среды.

Вместе с тем, песня о «Соловецком сидении» не является старообрядческим духовным стихом. Она была известна не только в старообрядческой среде и не содержит специфических старообрядческих идей (см. ниже сравнение ее со старообрядческой «Историей об отцах и страдальцах соловецких»). Борьба за старую веру — не идея, а тема изучаемой песни.

Следовательно, уже анализ внешних данных приводит к выводу, что в памяти народа соловецкие события запечатлелись главным образом как эпизод борьбы за старую веру, как необыкновенный случай столкновения монастыря с царем и царским правительством. Кроме того, следует еще учитывать, что бытование песни о соловецкой осаде в раскольниковей среде несомненно поддерживалось славой соловецких монахов как первых мучеников в борьбе с Никоном и его реформами (ср. «Историю об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова (Г. Вторушина) и др.).¹

К таким же выводам приводит и анализ идейного содержания и поэтических особенностей песни. Песня кончается различно — то разорением монастыря, то успевшей вовремя или запоздавшей отменой приказа об осаде, то смертью Мещеринова или Алексея Михайловича и т. д., однако моральная победа и, вместе с тем, сочувствие исполнителей всегда на стороне участников сидения. В различных вариантах правительству то удается, то не удается взять монастырь, но фактически оно всегда терпит поражение. В большинстве вариантов исполнители особенно тщательно разрабатывают эпизод, изображающий отмену приказа об осаде после совершившегося чуда (явление старцев Алексею Михайловичу, чудо с царскими воротами, болезнь воеводы и др.), потому что именно в этом эпизоде особенно явно обнаруживается поражение царя, вынужденного отменить собственное приказание.

Осуждение приказа царя об осаде монастыря как несправедливого и небывалого слышится и в других эпизодах песни. Так, например, в варианте, записанном другом А. С. Пушкина поэтом Языковым в Симбирской губернии, монастырь не разоряется; монахи, увидев войско, направляющееся к монастырю, сразу же поняли, что стрельцы идут не «рубиться», а молиться. В варианте, записанном П. И. Якушкиным от орловского мещанина, монахи горько ошибаются в своем предположении — стрельцы, остановившиеся под монастырем, неожиданно начинают его обстреливать. Такое завершение эпизода еще более подчеркивает невероятность и несправедливость царского приказа. На это же направлен и эпизод (служащий во многих вариантах завязкой), в котором рассказывается о первоначальном отказе Салтыкова возглавлять осаду монастыря. Кстати, характерно, что именно этот эпизод, играющий большую роль в поэтическом замысле песни, не находит себе прямого исторического подтверждения. В опубликованных документах, связанных с Соловецким восстанием, имя воеводы Салтыкова вообще не фигурирует. Осаду монастыря последовательно возглавляли стряпчий Волохов, стрелецкий голова Иевлев и стольник и воевода Мещеринов. В большинстве же известных вариантов во главе осады воевода-боярин Салтыков, который

¹ См. например, Бунт соловецких монахов и его значение для раскола и, в частности, для раскола поморского. «Памятная книжка Архангельской губернии», 1909, стр. 1—38.

называется обычно Петром Алексеевичем (иногда Иваном Петровичем). Мещеринов упоминается только в двух вариантах (Марков — «Пещерской» и «Живая старина», 1907, вып. III, стр. 147—148 — Мещеринов), Волохов и Иевлев оказались совершенно забытыми. Можно предположить, что создатели песни имели в виду боярина и воеводу Петра Михайловича Салтыкова — сподвижника Алексея Михайловича и видного администратора второй половины XVII века. По крайней мере другого Салтыкова — боярина и воеводы, близкого к Алексею Михайловичу, в XVII веке не было.¹ П. М. Салтыков мог пользоваться репутацией человека, сочувствующего старообрядцам. В 1662 году он был поставлен во главе следственной комиссии, собиравшей «вины» Никона и впоследствии официально обвинял Никона перед судом восточных патриархов.

Салтыковы были, несомненно, популярны на русском Севере. Михаил Глебович Салтыков-Кривой в 1608—1609 гг. оборонял от шведов Орешек. Его сын Иван Михайлович был в 1610 году воеводой в Новгороде, в 1611 году он ходил с войском против шведов к Ладогe. Популярность имени Салтыкова находит свое объяснение и в дальнейшем. Петр Самойлович Салтыков, близкий к Петру, неоднократно бывал по его поручениям в Карелии в начале XVIII века. Генерал-фельдмаршал Петр Семенович Салтыков, командовавший русскими войсками при Кюнерсдорфе, играл значительную роль в войне со шведами при Елизавете и т. д.²

Известные документы ничего не сообщают об отношении П. М. Салтыкова к осаде Соловецкого монастыря. Неизвестно, предлагал ли Алексей Михайлович в действительности Салтыкову ее возглавить, как это утверждается в песне, или нет. Однако не исключено, что это предложение могло быть не зафиксировано в документах и, вместе с тем, могло сохраниться в изустном предании. По крайней мере в начале 70-х гг. в отношениях Алексея Михайловича и П. М. Салтыкова наступает внезапное охлаждение. Еще недавно ведавший столь важным в середине XVII века Малороссийским приказом (кроме того, Владимирской и Галицкой четами) и сыгравший столь значительную роль в деле Никона, в 1673 году Салтыков оказывается вдруг тобольским воеводой и возвращается в Москву только в 1682 году. Не исключено, что причиной охлаждения Алексея Михайловича к П. М. Салтыкову и был отказ последнего возглавить борьбу с Соловецким монастырем, сохранившийся в памяти народа.

Характерно, что в архангельских вариантах, по-видимому наиболее близких к первоначальному тексту песни, Салтыков не разоряет монастырь. Он либо сказывается больным и заменен Мещериновым, либо отмена царского приказа предвещает штурм монастыря. Таким образом, внимание создателей песни привлеч не Мещеринов, осаждавший монастырь, а Салтыков, отказавшийся возглавить его осаду. Это снова подтверждает, что поэтический замысел песни состоял в изображении

¹ П. Долгорукий. Российская родословная книга, ч. 2, СПб, 1855, стр. 71, 82; Русский биографич. словарь. «Сабанеев-Смыслов», СПб, 1904, стр. 104.

² П. Долгорукий в «Российской родословной» пишет: «Должно заметить, что ни из одной фамилии не было столько бояр, столько фельдмаршалов и столько главных начальников Москвы, как из Салтыковых» (СПб, 1855, ч. II, стр. 83).

Кроме того известно, что один из Салтыковых — Федор Михайлович (Сергий) — игумен Бизюкова монастыря — был одним из активных деятелей старообрядчества, судился вместе с Аввакумом и Лазарем на соборе 1666 года.

столкновения царя с монастырем как небывалого случая, проявления вопиющей несправедливости со стороны царя.

В песне образ царя рисуется противоречиво. С одной стороны, царь решительно требует расправы с восставшими, с другой стороны, царь убеждается, в конце концов, в том, что он неправ. В этом противоречии следует видеть отражение действительной противоречивости народного мировоззрения XVII века. Известно, что для XVII века, с одной стороны, характерен рост антиправительственных и, следовательно, антицаристских настроений, с другой стороны, вера в хорошего царя, вера в то, что в народных бедствиях повинен не столько царь, сколько его боярско-дворянское окружение, очень сильна.¹ Собственно, и в анализируемой нами песне значительная доля вины ложится на воеводу. Особенно ярко это выражено в двух вариантах, в которых фигурирует Мещеринов. В варианте, записанном Марковым, после возвращения в Москву разболевшегося Салтыкова —

На то место-то накупался
Из бояр, бояр князь Пещерской,

который спешит расправиться с восставшими, не брезгуя никакими обманами. В варианте, записанном И. С. Абрамовым в Могилевской губернии («Живая старина», 1907, вып. III, стр. 147—148) Мещеринов называется «лютым», он пользуется предательством «злоумышленного старца» и т. д.

Частичное снятие вины с Алексея Михайловича могло опираться и на неверное понимание создателями песни некоторых фактов, связанных с историей восстания (нерешительность правительства в первые годы «сидения», дело Никона и отсутствие распоряжений против старообрядцев в пору его разбирательства и др.). Кроме того, этому могло способствовать и случайное совпадение дней жестокой расправы, учиненной Мещериновым после взятия монастыря (монастырь взят 22 января 1676 г.) со смертью Алексея Михайловича (29 января 1676 г.). Известно, что в последние дни перед смертью царь спешил отдать больше «богоугодных» распоряжений. Один из первых историков XVII века В. Берх в монографии «Царствование царя Алексея Михайловича» (СПб, 1831) сообщает: «Через несколько дней болезнь усилилась и царь приказал выпустить многих заключенных и простил казенных недоимок на 100 000 гульденов» (стр. 301). Неизвестно: было ли у умирающего царя намерение амнистировать участников Соловецкого восстания, однако совпадение во времени предсмертной амнистии и соловецкой расправы вполне могло породить в староверческой среде царистскую по своему характеру легенду о запоздавшей амнистии. Подтверждением этого может служить известная «История об отцах и страдальцах соловецких» одного из основателей Выгорецкого общежития Семена Денисова (Вторушина), в которой сообщается о том, что перед смертью Алексей Михайлович будто бы посылал к патриарху с просьбой оставить Соловецкий монастырь «по отеческим законам жить». Более того,

¹ Ср. характерное примечание, сделанное А. Крюковой при исполнении песни в передаче А. В. Маркова: «Царь Алексей Михайлович думал, что Никон — святой, чтобы окончательно убедиться в этом, он велел ему надеть башмаки, в которых было наколочено гвоздь. Никон поставил башмаки под кровать, а царю говорил, что он ходит в них невреждо. Тогда царь велел ему переменить старую веру и поставить новую — неправую». (Миллер, стр. 663.)

гонцы с царским приказом об отмене осады, по словам С. Денисова, якобы встретились в Вологде с гонцом Мещеринова, посланным с вестью о взятии монастыря. Раскольничья легенда об амнистии могла породить и фигурирующие и в песне и в «Истории» Семена Денисова чудеса (явление старцев царю, открытие царских врат и др.).

Кстати, в песне и в «Истории» Денисова совпадают и некоторые другие детали — руководители осады заболевают «худой болью» и умирают в наказание за свои злодеяния, воевода «от дерзости безумный» один из первых выстрелов направляет на алтарь Соловецкого собора и сбивает одну из главных икон,¹ после начала осады участники восстания собирают «собор», на котором решают биться до конца, гонцы встречаются в Вологде и т. д. Вместе с тем несомненно, что песня возникла раньше «Истории» Денисова.² Более того, Семен Денисов несомненно знал и использовал либо саму песню о соловецкой осаде, либо устные предания, легшие в ее основу. Во вступлении к своей «Истории» он пишет, что сообщит сведения, почерпнутые им из двух источников: «Яже от различных списателей собрахом» и «яже от уст самобывших во времена разорения обители в воинстве слышахом».³ С другой стороны, вполне вероятно, что исполнителям песни в XVIII и XIX веках могла быть известна «История» Семена Денисова. Однако говорить о ее влиянии на развитие песни нет оснований, так как песня расходится с «Историей» в самом существенном — Семен Денисов всячески стремится изобразить Соловецкое восстание как столкновение монастыря с «никонианами», а не с правительством. Вся ярость его раскольнических обличений направлена на Мещеринова, которого не помнит большинство вариантов песни. Денисов сосредоточивает основное внимание на изображении мучительств, которым подверг Мещеринов участников восстания и поименному прославлению соловецких старцев как раскольничьих святых. В песне же нет ни того ни другого — о разорении монастыря сообщается очень кратко, старцы же не фигурируют вовсе.

Итак, песня о соловецкой осаде — типичная народная историческая песня,⁴ посвященная одному из исторических фактов царской несправедливости и протеста против него. Анализ ее показывает, что в народном сознании история Соловецкого восстания оставила известный след. Однако в связи с «Соловецким сидением» не возникло популярной, отстоявшейся и вполне сложившейся песни, что можно было бы ожидать, если бы Соловецкое восстание действительно было бы эпизодом крестьянской войны на Севере, в «основе которого, — как предполагает Н. А. Барсуков, — как и в основе крестьянской войны под руководством Степана Разина, лежал стихийный протест самых различных демократи-

¹ См. в песне:

Как стрелял, стрелял воевода
В соборну ту божую церковь,
Уронил-то тут воевода
Богородицу со престола. (Миллер, стр. 265.)

² Написана, по-видимому, в 30-е годы XVIII века.

³ Цит. по изд. Супрасльской типографии 1788 г., л. 2. Еще позже возник официальный «Летописец соловецкий», очень кратко передающий историю осады: «В таком положении, без всякого раскаяния, препроводили они девять лет» (см. «Летописец соловецкий», М., 1815, стр. 42—44).

⁴ Вместе с тем следует отметить, что в некоторых рукописных вариантах чувствуется влияние поэтики старообрядческих духовных стихов.

ческих элементов, крепостнической России против их бесправного положения, против чудовищного гнета и жестокой эксплуатации» (стр. 64).

Основной конфликт, отраженный в песне, не носит открытого социального характера. В этом отношении песня о соловецкой осаде резко отличается от создавшихся примерно в те же годы богатейших по своему идейному содержанию и замечательных по поэтическим достоинствам песен разинского цикла — песен народного гнева и борьбы, песен, воспевающих классовую расправу крестьян и казаков с боярами и воеводами.

Мы располагаем лишь поздними записями песни о «Соловецком сидении». Однако противоестественно было бы предполагать, что песня могла содержать социальные мотивы, а затем их начисто утратила во всех вариантах, записанных в различных губерниях. Характерно, что «Соловецкое сидение» совершенно не отразилось в карельских исторических песнях.

В песне о соловецкой осаде сказалось, вместе с тем, характерное для XVII века противоречивое отношение к царской власти. Основная проблематика ее не связана с открытой антифеодальной борьбой. В песне не фигурирует народ, поднявшийся с оружием в руках на борьбу с угнетателями. Песня о соловецкой осаде — это песня о царской обиде приверженцам старой веры, стойким в своих убеждениях. Вместе с тем протест против реформ Никона воспринимался народом как одна из форм антиправительственного протеста — поэтому сочувствие исполнителей песен на стороне участников восстания. Следовательно, анализ народной исторической песни о соловецкой осаде не дает нам оснований предполагать, что Соловецкое восстание было в действительности эпизодом крестьянской войны, что сохранившиеся документы значительно искажают суть и природу восстания. Такие предположения неизбежно приводят к идеализации и самого восстания и старообрядческого движения XVII в. Вместе с тем несомненно и то, что восстание было сложным и противоречивым по своей природе. Однако сложность и противоречивость — еще не повод для преувеличения тех сторон восстания, которым мы особенно сочувствуем. Признание сложности и противоречивости восстания вовсе не означает снятия вопроса об основном и определяющем в ходе восстания, именно это основное и определяющее очевидно и закрепились в народной памяти и легло в основу песни.

И, наконец, для того, чтобы наш обзор отражения Соловецкого восстания в русском народном творчестве был исчерпывающим, упомянем еще о двух песнях, в которых косвенно отразилось отношение народа к монастырю. Первая из них представляет собой шутивную заздравную:

Чаша моря Соловецкого
Пить для здравья молодецкого¹ и т. д.,

перекликающуюся с сатирическими повестями XVII века типа «Калязинской челобитной». В заключение заздравной, произнесенной от имени

¹ Опубликована Ф. М. Буслаевым в статье «Русская поэзия XVII века» из сборника, принадлежавшего Истрину. См. «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», т. I, СПб, 1861, стр. 515—516; см. также А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII, СПб, 1902, № 207.

подгулявшего и привыкшего к стяжательству и разгульной жизни монаха, говорится:

«Подай Бог
На всякий год,
Чтобы доброе получить
И добрые дни нажити».

Вторая песня известна в фольклористической литературе как песня о «правеже». Возникновение ее по сложившейся традиции обычно относят ко времени Ивана Грозного (см. Киреевский, вып. 6, стр. 196 и др.). Однако один из ее вариантов представляет собой перетекстовку, возможно, связанную с событиями, последовавшими за взятием Соловецкого монастыря отрядом Мещеринова. Разумеется, трудно сказать, облегчена ли была эта перетекстовка тем, что в первоначальном тексте уже фигурировала какая-то монастырская казна или же монастырская казна появилась в песне именно после соловецких событий. Известно, что после взятия монастыря Мещеринов подверг монастырь и монастырские вотчины столь буйному разграблению, что против него было возбуждено специальное дело. В песне — молодец под пыткой показывает, что за казна, которая ему досталась.

Это, батюшка, казна не царская и не боярская,
А это казна монастырская
Того ли монастыря Соловецкого.¹

Таким образом, и заключительный эпизод соловецкой трагедии сохранился в памяти народа и нашел свое отражение в народной песне.

Итак, изучение песен о «Соловецком сидении» обнаруживает, что они могут служить серьезным подспорьем при решении вопроса о природе и характере самого движения. С другой стороны, изучение песен помогает верно оценить и степень достоверности «Истории об отцах соловецких» Семена Денисова (Вторушина), без которой трудно обойтись любому, кто стал бы размышлять о событиях, связанных с «Соловецким сидением».

* * *

Не меньший интерес для истории Карелии представляют и народно-поэтические произведения, возникшие в конце XVII века. В фольклористической литературе известно несколько обзоров русского народного поэтического творчества этой поры.² Поэтому я позволю себе остановиться лишь на некоторых произведениях, касающихся событий, непосредственно связанных с историей Карелии этого периода. Следует отметить, что историки Карелии привлекали к изучению значительное число преданий и легенд этого времени. Однако вне поля их зрения остался богатый цикл исторических песен так называемого «петровского времени», в том числе и песни, связанные с Северной войной конца XVII — начала XVIII века.

Прежде чем перейти к обзору этого цикла позволю себе высказать несколько общих соображений. Если попытаться окинуть общим взглядом эпическое наследие карел и русских, населяющих Карелию, то вырисовуется

¹ Киреевский, вып. 6, стр. 196.

² М. Я. Парижская. Исторические песни и предания начала XVIII века, в кн. «Русское народное поэтическое творчество», т. I, М.—Л., 1953, стр. 478—528 и др.

чрезвычайно своеобразная картина. В русских исторических песнях и преданиях события, непосредственно связанные с историей Карелии, отражаются не ранее первой четверти XVII века (так называемые предания о «панах», в которых отразились события времени польско-шведско-литовской интервенции, песни о Скопине-Шуйском и Якове Делагарди, Рахта Рагнозерском и др.). До этой поры известны лишь былины и исторические песни, изображающие события общерусские по своему характеру и значению и «киевские», «новгородские» или «московские» по месту эпического действия. Для карельских исторических песен известны отдельные сюжеты, отражающие события истории Карелии ранее начала XVII века (например, события времени Ивана Грозного). О песнях о «Соловецком сидении», относящихся ко второй половине XVII века, мы уже говорили. Итак, до конца XVII века известны лишь единичные песни о единичных событиях истории Карелии. Впрочем некоторое исключение составляет так называемое «смутное время», давшее несколько преданий и песен. В отличие от этого в конце XVII и начале XVIII веков в Карелии возникает несколько десятков преданий и песен, пословиц, поговорок, топонимических легенд и т. п. События же последующих двух веков истории Карелии (до конца XIX века) либо вовсе не отражены и в русских и карельских исторических преданиях и песнях, либо отражены в них мимолетно и попутно. Случайно ли такое распределение песен и преданий? Разумеется, нет.

На протяжении многих веков важнейшие события политической истории Карелии были связаны с борьбой с непрекращавшейся шведской агрессией. В начале XVII века борьба со шведской интервенцией приобрела особенно острый характер и к началу XVII века закончилась серией блестящих побед русского оружия (Полтава, Выборг, Гангут), надолго ликвидировавших этот очаг военных столкновений. Все эти события имели огромное значение для Русского государства. Не будем входить в характеристику этих событий, отметим только, что события первых десятилетий XVII века и, особенно, Северная война 1700—1721 гг., не могли не оставить глубокого следа в памяти народа. Завершение многовековой борьбы со шведской экспансией далось русскому народу ценой колоссального напряжения сил. В этой борьбе трудовые массы Карелии принимали живейшее участие. Как уже отмечалось историками, в период борьбы со шведской экспансией через Карелию проходила наиболее протяженная часть русско-шведской границы. На различных этапах войны Карелия была то прямым плацдармом, то ближайшим тылом военных действий. В начале XVII века ее естественные богатства необыкновенно интенсивно использовались правительством Петра для нужд армии и нарождавшейся русской промышленности. Известно, что Петр много раз бывал в Карелии и всегда действовал энергично и целеустремленно. Всем этим объясняются и многие специфические черты петровского цикла в истории национального и русского народного творчества Карелии. Так, например, значительная часть устнопозитических произведений этого цикла, записанных в Карелии, явно местного происхождения (например, большинство преданий и легенд). Темы и сюжеты их разнообразны — военные действия против шведов, строительство «осударевой дороги», встречи Петра с местным населением, рытье «канавушки» и т. д. Таким образом, речь идет не о двух-трех наиболее крупных событиях, отраженных

в народном творчестве, а о многостороннем поэтическом изображении целого исторического периода.¹

Нельзя сказать, что историки вовсе не привлекали этот материал при изучении истории Карелии. В макете 1 тома «Истории Карелии» есть даже специальный раздел, посвященный народным преданиям начала XVIII века, упоминаются и некоторые карельские руны, относящиеся к этому же времени со ссылкой на статью В. Я. Евсеева.² И все же вне поля зрения остался весь цикл русских исторических песен о Северной войне, даже в той его части, которая имеет непосредственное отношение к Карелии.

В задачу настоящей статьи не входит всесторонний разбор песен цикла. Это задача несомненно значительно более широкого плана. Северная война охватила огромную территорию, длилась более двадцати лет и многие ее события, отраженные в народных песнях, не имели непосредственного отношения к истории Карелии.

Остановимся на трех группах песен, представляющих наибольший интерес для изучения истории Карелии.

Самая значительная среди них — группа песен, связанная с осадой Нотебурга (Орешка, Шлиссельбурга). Уже в сборнике Киреевского было опубликовано 9 текстов песен о взятии Нотебурга, причем это событие изображается по-разному в 4 различных по своим сюжетам песнях.³

1) «Допрос шведского майора». Сюжет этой песни имеет несколько приурочений, главным образом в солдатских песнях XVIII и начала XIX веков. Борис Петрович Шереметьев, допрашивавший шведского майора, взятого в плен под Орешком, выступает в той же роли в песнях о сражении под Красной Мызой. Вместе с тем историчность этой песни не подлежит сомнению. Б. П. Шереметьев (вместе с Н. И. Репниным) действительно возглавлял осаду Нотебурга-Орешка. Разумеется, трудно установить, действительно ли имел место допрос пленного шведского майора, но в сущности это и неважно, тем более, что речь идет о популярном сюжете солдатской песни. Важно другое — сюжет этот вполне закономерен и органически связан с самой сутью событий.

Взятие Нотебурга в 1702 году было первой крупной победой русских войск в Северной войне, ясно показавшей, что успешные действия против шведских отрядов в Лифляндии не случайность, что легенда о непобедимости шведских войск только легенда. Между тем, шведы продолжали еще чувствовать себя победителями, предпринимали демонстративные, устрашающие маневры, стараясь создать у русских впечатление, что их армия чрезвычайно многочисленна и очень сильно оснащена. Русские же войска все более и более убеждались в шаткости

¹ Об отражении Северной войны в литературе XVIII века см. интересную статью И. Н. Розанова «Великая Северная война в русской поэзии первой половины XVIII в.». «Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина», 1946, т. VII, вып. I, стр. 35—40.

² В. Я. Евсеев. Историческая дружба карел и русских в отражении поздних версий карело-финских рун. «Советская этнография», 1949, № 2.

³ Мы не включаем в это число песню, которую П. А. Бессонов назвал «Убит полковник» («Что под славным городом под Шлюшеном»), воспроизведенную в сборнике Киреевского (вып. 8, стр. 147—148) по песеннику И. И. Дмитриева (1796 год) и явно подредактированную, если не целиком сочиненную составителем песенника. Текст этой песни нуждается в специальном исследовании.

положения шведов, недавние победители все более и более развенчивались. В этом процессе огромную роль сыграла победа под Нотебургом. Именно поэтому популярный сюжет допроса шведского майора и возник в связи с борьбой за Нотебург. Шведский майор в начале допроса гордо отвечает («не с упадкою»):

С генералом в поле нашим сорок тысячей,
С королем в поле сметы нет.¹

После того, как майора не кормили «целы сутки» и еще раз допросили, он «правду истинну рассказал»:

Силы семь тысячей, а боле того нету.²

2) «Военный совет под Орешком». Песня начинается с типичного для солдатских песен зачина:

Ты злодей-злодей ретиво сердце
Ретиво сердце молодецкое!
К чему ты ныло — занывало?
Ты беду молодцу предвещало.

Предвещало ты, а не сказало:
Что быть ли мне, молодцу, в рекрутах,
Что в рекрутах быть мне и в солдатах,
А в солдатах быть мне и в походе,

Что под славным городом под Орешком,
По нынешнему званию Шлиссельбургом.³

Перед началом штурма Петр обращается к генералам и просит у них совета — штурмовать ему Орешек или нет. Генералы против штурма. Петр обращается к солдатам:

Что не ярые тут пчелы зашумели
Что возговорят российские солдаты:

— Ах ты наш батюшка государь-царь!
— Нам водою к нему плыть, — не доплыти,
— Нам сухим путем идти, — не досягнуть.
— А что брать или не брать ли белой грудью.

Вслед за этим изображается штурм и взятие Орешка, 90 лет бывшего в руках у шведов. Кстати, необходимо подчеркнуть, что шведская крепость Нотебург, переименованная Петром в Шлиссельбург, называется во всех песнях этой группы Орешком, то есть так, как она называлась до захвата ее шведами. Как правило, в песне добавляется:

По нынешнему званию Шлюшенбурге.⁴

Вместе с тем, это двойное название звучит обычно один раз в зачине песни. В дальнейшем Нотебург — Шлиссельбург называется только Орешком. Тем самым, как уже отмечалось исследователями,⁵ утверждается исконная принадлежность этих земель России. Известно, что и Петр в письмах называл Нотебург Орешком.

¹ Киреевский, вып. 8, стр. 139.

² Там же, стр. 140.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 138.

⁵ Русское народное поэтическое творчество, т. I, стр. 517.

Как видно из краткого пересказа, песня эта некоторыми мотивами перекликается с песней о штурме Азова, что совершенно естественно для начальной поры формирования специфического жанра солдатской песни. Вместе с тем, эта песня прекрасно отражает типичные настроения солдат петровской армии. Солдаты жалуются на тяжесть службы и сетуют на горькую судьбу, оторвавшую их от семей и вместе с тем с патриотическим воодушевлением откликаются на призыв Петра и самоотверженно штурмуют грозные редуты Орешка. Следует отметить относительную распространенность этой песни.¹

3) «Штурм Орешка». В этой песне в отличие от предыдущей рассказывается о штурме Орешка не сухопутной армией, а флотом. По всей вероятности, она заслуживает название одной из первых русских матросских песен. Флот (петровские суда по старой традиции называются «легкими стружками») концентрируется у истока Невы и затем под командой все того же Б. П. Шереметьева штурмует и берет Орешек. Таким образом, песня отметила не только сам факт взятия Орешка, его моральное и патриотическое значение, но и новизну тактических приемов Петра. Один из военных историков полковник Б. С. Тельпуховский в книге «Северная война 1700—1721 гг.», оценивая значение штурма Нотебурга-Орешка и последовавшего за ним штурма Ниниеншанца, пишет: «К этому времени у Петра I уже появляется идея комбинированных действий сухопутной армии и флота против шведов. Эта идея была широко применена Петром после Полтавской битвы на Финляндском театре войны».²

Замечательны в песне строки:

По реке они («стружочки». — К. Ч.) бежали к круту
красну бережку,
К круту-красну бережку, ко Слюссельбургскому,
Подбирали они паруса полотняные,
Что того ли полотна все олонецкого.³

Здесь точность изображения действий команды судна (подходя к берегу, «подбирают» паруса) и терминологическая точность (команда: «Подбирай паруса!») сопровождаются любопытным эпитетом паруса полотна «олонецкого», отражающем совершенно определенный факт, интересный для историка Карелии.⁴

Действительно известно, что весной 1701 года по указу Петра из Олонецкого уезда в Новгород было отправлено большое число плотников «к струговому строению», летом того же года они начали на Луге и Мсте постройку речных судов. Весной 1701 года Петр обязал олонецкого воеводу «готовые карбасы и полукарбасы, и соймы, и гребные суда троевесельные опричь малых лодок на Заонежском озере, и на Свири, и на иных реках» переписать и выслать в Новгород. Все эти суда были использованы для военных перевозок в 1701—1703 гг. и в 1702 году при боевых действиях против Нотебурга-Орешка и Ниниеншанца.

¹ Только в сб. Киреевского приводится три варианта и указывается еще несколько.

² Б. С. Тельпуховский. Северная война 1700—1721 гг. Воениздат, М., 1946, стр. 52.

³ Киреевский, вып. 8, стр. 146—147.

⁴ Ср. в песне о взятии Риги:

«Паруса они роняли белы — полотняные
Того ли полотна все голландского.»

(Киреевский, вып. 8, стр. 214.)

Кроме того, в штурме Нотебурга участвовали суда, специально для этого построенные на Сясьской верфи, заложенной в начале 1702 года. Строили суда 50 плотников, отряженные для этого из Олонца. Вспомогательные работы выполнялись также олонецкими крестьянами. Вооружение судов обеспечивалось олонецкими заводами Бутенанта. Известно, что и после взятия Нотебурга и закладки Олонецкой верфи крестьяне Карелии поставляли на нее смолу, канаты и паруса. Таким образом, народная память сохранила в песне любопытный штрих, ясно свидетельствующий об активном участии карельских крестьян в подготовке обеспечения победы под Орешком.

С процитированными строками весьма своеобразно перекликается уникальная запись казачей песни, повествующей о кораблях, построенных под Орешевом (Орешком) и ожидающих отправки в бой.

Не под городом было под Орешевом
Нагружались там три кораблика
Они фуражем-сеном эти три кораблика...

Не дождавшись «повеленьица», корабли отправились сами в путь и в конце песни оказываются в Черном море.¹ В этой песне можно видеть любопытное свидетельство того, что постройка первых судов на Сясьской и Олонецкой верфи перед битвой за Орешек была оценена современником Петра, как замечательное событие, и отразилась и в солдатских и казачьих песнях. «Паруса олонецкий», корабли, построенные под Орешком и т. д. готовы были превратиться в эпические категории и проникнуть в определенный круг народных песен.² Однако этот процесс приостановился, по всей вероятности, в самом начале. Песни об Олонецкой верфи заслонились в памяти народа песнями о Неве, Петербурге, «питерской» пристани корабельной, получившими популярность к середине XVIII века. В этом факте также нельзя не видеть верного отражения большого, но кратковременного значения, которое имели Ладожско-Свирские верфи в событиях начала XVIII века.

И, наконец, остановимся еще на одной песне, также связанной со штурмом Орешка.

4) «**Петр I под Орешком**» (см. Киреевский, вып. 8, стр. 156—160, № 1—3). В этой песне рассказывается о внезапном появлении Петра I под городом «Шлюшеном» (Шлиссельбургом, Орешком). Донские казаки не узнают Петра и его «легкий корабль» и собираются стрелять. Петр хвалит казаков. В этой песне несомненно отразился факт, хорошо известный из исторических источников. В летние месяцы 1702 года Петр I предпринял смелый и труднейший шаг, предрешивший исход

¹ См. сб. Б. Н. Путилова. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948, стр. 59—60. «Русские корабли в Черном море».

² См. также песни — Соболевский, т. I, № 326.

На прибегище на Лодейном
Что на пристани корабельной
Тут построена изба новая
Изба новая караульная...

Или № 540 в III томе того же собрания:

Я поеду в Нову Ладогу гуляти
Молодой жене покупок закупати...

В песне № 6 (т. I) упоминается «Свирская Украина» и т. д.

сражения под Нотебургом. Из Белого моря в Онежское и затем Ладожское озеро были перетащены волоком два фрегата, построенных в Архангельске. В строительстве известной «осударевой дороги», по которой тащились суда, участвовали тысячи карельских крестьян. Темпы строительства дороги и продвижения судов, смелость самой мысли перетащить суда на большое расстояние (около 170 верст) внезапность появления Петра с 2 фрегатами и 4 тысячами солдат под Орешком поразили воображение современников Петра — и его военных противников — шведов, и его соратников, русских солдат. Несомненно, именно на этой почве и возникла интересующая нас песня.

Известный интерес представляет и песня, связанная с осадой **Выборга** («Ах ты, ноченька, ты ноченька осенняя», Киреевский, там же, стр. 167—168). На первый взгляд эта песня производит странное впечатление. Она начинается с обычного солдатского зачина:

Ах ты, ноченька, ты ноченька осенняя
Надоела ты мне, молодцы, наскучила,
Надоела ты мне, молодцы, наскучила,
Что под славным ли под городом под Выборгом,
Что под той ли под стеною белокаменной,
Что под высокой под башней под проезжую!

Далее рассказывается о том, что шведские бастионы открывают внезапный огонь и убивают полковника. Солдаты оплакивают полковника, «Майоры с подполковниками» успокаивают их, говорят, что не следует отчаиваться, так как царь их наверняка поддержит. Вся песня звучит минорно, производит впечатление горестного раздумья над тяжелой солдатской судьбой. О взятии Выборга ничего не сообщается.

Таким образом, песня, как бы опуская важнейшее в событиях, связанных с Выборгом, — блестящий маневр Петра, взятие крепости и значение этого факта для упрочения России на Балтийском море¹ — касается факта более или менее случайного и второстепенного. Так ли это? Если это было бы так, то песня об осаде Выборга оказалась бы редким исключением среди русских исторических песен.

Очевидно правильнее предположить, что песня об осаде Выборга не связана с заключительным, решающим этапом борьбы за Выборг. Вполне возможно, что она возникла в связи с событиями 1706 года, когда Петр сделал неудачную попытку овладеть Выборгом, либо с первой половины кампании 1710 года, то есть до подхода русского флота под командованием Петра. Собственно в известном варианте песни о Выборге имя Петра не упоминается вовсе и казалось бы, что нет оснований считать ее возникшей обязательно в начале XVIII века, тем более, что известно множество русско-шведских сражений за Выборг, с конца XIII века и до начала XVIII века. Однако нам думается, что на этот раз приурочение, предположенное П. А. Бессоновым, не следует отвергать. По всем своим поэтическим особенностям песня бесспорно принадлежит к числу ранних солдатских песен, то есть она не могла возникнуть до начала XVIII века.

Совершенно ясно, что анализируемая песня не могла возникнуть и позже, так как после 1710 года крепость никогда больше не принадле-

¹ На второй день после взятия Выборга Петр I писал Екатерине: «Матка, здравствуй. Объявляю Вам, что вчерашнего дня город Выборг сдался и сею доброю ведомостью, что уж крепкая подушка Санкт-Петербургу устроена... Вам поздравляю» (И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. XII, № 1163).

жала шведам и лишь однажды в конце XVIII века подвергалась шведской осаде. Между тем из текста песни ясно, что именно русские осаждают Выборг, находящийся в руках шведов.

Небезынтересно сопоставить эту довольно редкую русскую историческую песню об осаде Выборга с популярной карельской руной на эту же тему.¹ В карельской песне говорится о взятии Выборга, причем в борьбе за Выборг в ряде вариантов принимают участие герои старших эпических песен Илмаринен, сковавший Петру волшебное копье, с помощью которого Петр покоряет неприступную вражескую крепость. Для карельского народа более чем 400-летняя борьба за Выборг была трагической борьбой за коренные земли карельской народности. Русские войска, возглавляемые Петром, осуществили многовековые чаяния карел; не случайно и Петр в ряде вариантов этой руны называется карельским героем, прекрасным сыном Карелии («*Poika kaunis Karjalainen*»).

И, наконец, несколько замечаний о третьей группе песен, представляющих интерес для истории Карелии начала XVIII века. Я имею в виду песни о «Ладожской канавушке» — о строительстве Вышневолоцкой водной системы, эксплуатация которой началась в 1709 году. На строительство каналов («канав») ² были согнаны десятки тысяч крестьян из многих уездов северных губерний, в том числе и Олонецкой губернии. Работы велись в необыкновенно тяжелых условиях, тысячи строителей погибли от болезней и голода, постоянно свирепствовавших на всех участках. Неудивительно, что народная песня отразила этот тяжкий эпизод в жизни трудового народа.

Известно несколько песен о канавушке³ с различными сюжетами. В одной из них бурлаки отправляются

На канавушку на Ладожску
На работу государеву⁴,

их провожают плачущие родители, жены и дети.

В другой молодец, которого отправляют рыть канавушку,

Как ехал государь — царь из-под Риги,
Велел мне земелюшку копати —⁵

в отчаянии хочет уйти в монастырь.

В третьей поется:

У нас по морю — морю
Два кораблика плывут.
Как на этих кораблях
По пятьсот молодцов,
Государевых гребцов.
Они косят и гребут,
В стога сенцо кладут,
Браву песенку поют,
Разговоры говорят

¹ По сообщению В. Я. Евсеева эта руна в течение XIX—XX вв. была записана более 30 раз.

² Местное население до сих пор называет каналы Вышневолоцкой и Марининской системы «канавами».

³ В сб. Киреевского приводится 4 текста на три сюжета (вып. 8, стр. 261—264). См. также Соболевский, т. VI, № 569; Е. В. Барсов. Петр Великий в народ. преданиях Сев. Края, «Беседа», 1872, № 5, стр. 17; М. Багрин. Скоморошья и бабьи песни. СПб, 1910, № 7 и др.

⁴ В северных диалектах «бурлак» — каждый уходящий из деревни на иные работы.

⁵ Киреевский, вып. 8, стр. 262.

Все хозяина бранят:
«Ты рассукин сын хозяин
Расканалья сукин сын
Здесь канавушки порыл».¹

и т. д.

К ним примыкает песня, опубликованная в сборнике М. Багрина «Скоморошьи и бабьи песни», в которой фигурирует «Гурьев господин», подгоняющий землекопов, занятых на «канаве».² Однако время происхождения последней песни не поддается установлению. Для всех этих песен, как бы они различны ни были, характерно одно общее качество — тяжесть работы на «канаве»,³ совершенно заслонила в памяти трудового народа прогрессивность этого предприятия Петра, огромное его значение для развития русской экономики, русского судоходства и т. д. Причины этого совершенно ясны и не требуют дальнейшего комментирования.

Мы канавушку копали
Все ю проклинали.
На канавушку на конях,
А с канавушки-то пеша.

Разобранные нами циклы песен о Соловецком восстании, о Северной войне, о боях под Выборгом и, наконец, о ладожской «канавушке» показывают, насколько разнообразно и разнохарактерно отражают народные песни историческую действительность. Нуждаясь сами в углубленном историческом изучении они в то же время могут явиться подспорьем для историка, стремящегося проникнуть в социальную природу того или иного исторического факта, понять, что нового внесли те или иные исторические события в жизнь трудового народа, изучить, наконец, историю народного мировоззрения.

СОКРАЩЕНИЯ:

Миллер — В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. СПб, 1915.

Марков — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.

Соболевский — А. И. Соболевский. «Великорусские народные песни» I и VII тт. СПб, 1895—1902.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 6, 8, М., 1864—1870.

¹ Киреевский, вып. 8, стр. 261.

² Трудно сказать, какой Гурьев стал героем этой песни. Известен Гурьев Д. А. (1751—1825) — министр финансов при Аракчееве, прославившийся введением многих новых налогов, имя которого было ненавистным народу. Возможно, что с его именем связывали в народе и некоторые работы по совершенствованию Марининской системы. Известен и другой Гурьев — Гурьев С. А. (1762—1813) академик-математик и гидравлик, неоднократно посещавший Марининскую систему.

³ Напомним пословицу: «До Вытегры Ванюшка в сапожках, по за Вытегрой Ваня в лапотках».